

нам можно было судить даже по малой толике носовских рассуждений о прочитанном или услышанном.

Наконец-то, перевернута последняя страница... Я не помню, как глядел на меня Евгений Иванович, не берусь сочинять. А вот его заключение запомнил хорошо:

– Не пиши для сытых.

И никакого разговора о рассказе. Расспросил меня о работе, о житейских делах. Расспросил благожелательно, заинтересованно.

К тому времени у Носова вышли две книжки, они произвели на меня потрясающее впечатление, ничего лучшего читать не доводилось. Были основания доверять Евгению Ивановичу, однако принять приговор над своим «Утюгом»... было непросто. Это что-либо хорошее мы впускаем в себя распахнуто, без промедления. А для плохого душа закрыта, плохое всегда неожиданно, как в данном случае, ведь творил, создавал «прекрасное», шедевр создавал – и на тебе: «Не пиши для сытых».

К месту будет рассказать и вторую историю. Затеял я написать повесть. По частям и в целом рукопись показывал Евгению Ивановичу, он же и посоветовал обсудить ее на областном литературном семинаре. Хотя было высказано достаточно замечаний, повесть хорошо была принята и рекомендована издательству для печати.

Состояние мое нетрудно понять: ликование. Об успехе мало было знать самому, я готов был поделиться этой вестью с первым же встречным. И, кажется, такой случай представился: кто-то властно потянул меня из писательского круга. Это был Носов, и я даже пожалел, что это был он: перед ним-то мне хвалиться не пристало. А он намеренно сбавил шаг и, когда мы остались наедине, заговорил:

– Ты полон надежд и туманной перспективы. Сегодня захвалили. Но это, считай, на фоне блеклых рукописей. А по существу спроси себя: «Нужна ли тебе серая литература?» ...Положи-ка свою повесть подальше. Годочка через два глянешь свежим глазом, тогда и решишь окончательно.

Обида взыграла тогда во всю мощь. В ту пору мы с Носовым уже корешили, вместе рыбачили, знались семьями. И вот тебе – на! Друг называется: нет, чтобы содействовать, дать ветер под крыло – получай пинок в спину. Ведь книжка, как благополучно пойманная птица, была уже в руках...

Задним числом не стану оправдываться: обида, сомнения в справедливости оценки и жалость к отвергнутому труду растаяли не вдруг. Понадобились годы. Когда появились новые произведения, одобренные и согреты дружеской помощью Евгения Ивановича, тогда начало приходить осознание смысла литературы, тогда с благодарностью я принял тот жесткий, болезненный для меня совет.

Носов вообще ревностно относился ко всему печатному, что выходило с курской «пропиской». Его собственная литературная планка была очень высока, и он ее ни для кого не понижал. Как-то в центральной прессе прошла публикация одного из наших литераторов. Публикация не хуже прочих, а он искренне переживал за ее усредненность, пригнутую обычность, будто ему лично нанесли оскорбление:

– Ладно бы из Белгорода или из Орла. Но из Курска!...

Юрий ПЕРШИН

Шляпа по ленд-лизу

памяти Е. И. Носова

В сорок пятом году молодого парня, вчерашнего артиллериста, пригласили на пункт выдачи подарков от заокеанских «тетушек и дядюшек».

Жуликоватый раздатчик взглянул на его выбеленную гимнастерку с дырочками от орденов, прошел мимо бостоновых костюмов и проклепанных ботинок, вынул откуда-то из-под стола широкополую темную шляпу.

Фокусным жестом он нахлобучил ее на стриженую голову солдата и радостно захохотал:

– Носи! Отвинчивай девок!

Парень вышел на порог, взял безразлично двумя пальцами шляпу за

край поля, размахнулся, как Господь Бог, и запустил ее Сатурном на край Вселенной. Шляпа мелькнула над узловатыми и углистыми яблонями, над кривым домиком на улице Беговой и пропала где-то в районе Казацкой слободы.

Прошло сорок пять лет. Молодой боец за это время, конечно же, постарел, обзавелся кучей внуков, вышел на пенсию.

Без войны, без засухи и без наводнения страна к тому времени скособочилась и, как тот домик на Беговой, который все еще стоял, готова была рухнуть.

И опять американские «дядюшки и тетушки» стали собирать подарки.

И опять пришли посылки.

И опять прислали приглашение тому бывшему парню, а теперь – ветерану-инвалиду.

На этот раз все было завернуто, перевязано, в пакетах.

Дрожащими руками развернул на улице наш герой посылку, глядь, а там... шляпа.

– Вернулась, гадина! – выругался он.

И пулынул ее тем же манером.

Да силы были не те – вороньим гнездом зависла она на березе.